

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

Старая записная книжка

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1+82-94
ББК 84(2Рос-Рус)1
В99

Предисловие, составление, примечания Л. Я. Гинзбург

Вяземский П.

В99 Старая записная книжка / Петр Вяземский ; [предисл., сост., примеч. Л. Я. Гинзбург]. — СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 413 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-09509-1

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) был истинным сыном своего века. Потомок старинного рода, он участвовал в Отечественной войне 1812 года, был сторонником просвещенной монархии, «декабристом без декабря», занимал ведущие государственные должности. С юных лет Вяземский выразил глубокую преданность литературным интересам: принимал участие в деятельности «Арзамаса», выступал в защиту романтизма, был ближайшим другом и соратником Пушкина, представив один из выразительнейших портретов его плеяды.

При всей многосторонности творческого дарования Вяземского его поэзия во многом оставалась традиционной; остроумие, игра со словом, пытливая мысль поэта нашли выражение в совсем другой — «обиходной», по его выражению, литературе. Пристальное внимание ко всему злободневному — политическим событиям, хронике литературной и светской жизни, мелочам быта, слухам, анекдотам — определило общий строй и содержание его «Старой записной книжки».

Вяземский вел записки с 1813 года до конца жизни. Подборка, подготовленная советским литературоведом Л. Я. Гинзбург, стала ее первой книгой, сохранив для потомков те «события, нравы и лица, коими часто пренебрегает история».

УДК 821.161.1+82-94
ББК 84(2Рос-Рус)1

© Гинзбург Л. Я., наследники,
составление, предисловие, послесловие,
примечания, 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09509-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Записные книжки» П. А. Вяземского охватывают огромный период, с 1813 по 1877 г. Часть этого материала, под заглавием «Выдержки из старой записной книжки», Вяземский опубликовал в «Московском телеграфе», «Северных цветах» и, впоследствии, в «Русском архиве» и «Девятнадцатом веке» Бартенева.

Все напечатанное из «Записных книжек» при жизни автора вошло в VIII том полного собрания сочинений Вяземского, изданного в начале 80-х годов С. Д. Шереметевым. Все то из «Записных книжек», что сочли возможным дополнительно опубликовать издатели, составило IX и X тома этого издания.

Таким образом, «Старая записная книжка», занимающая три тома двенадцатитомного собрания сочинений, ставшего уже библиографической редкостью, до сих пор была доступна только специалистам.

Цель настоящего издания — ознакомить читателя с одним из замечательнейших памятников русской словесности. Как издательские условия, так и стремление дать популярную книгу потребовали отбора материала. Руководящим принципом при отборе этом оказалась занимательность материала и степень его исторической и историко-литературной значительности.

В расположении материала мною сохранен метод Вяземского, т. е. метод свободного чередования отрывков разного типа. В своей статье я пытаюсь показать, что система «Старой записной книжки» позволяет отбрасывать и перемещать материал, не нарушая принципа построения.

После смерти Вяземского в Остафьевском архиве осталось 37 «Записных книжек», из которых далеко не все

было опубликовано. К сожалению, рукописи «Записных книжек» в настоящее время недоступны, и мне пришлось ограничиться печатным текстом.

Ни Вяземский, ни его издатели не датировали фрагменты «Записной книжки». Хронология записей может быть установлена только приблизительно и на основании косвенных показаний. Введение всего этого аппарата хронологических домыслов вряд ли прояснило бы факты и страшно загромодило бы текст. При таких условиях мне показалось более уместным в популярном издании вообще отказаться от датировки. Соблюдена только общая последовательность записей от 10-х до 70-х годов.

Примечания мои распадутся на две категории: во-первых, это справки, просто сообщающие факты, необходимые для понимания текста; во-вторых, это добавочный биографический, анекдотический, литературный материал, привлекаемый с целью создать для читателя ту атмосферу, вне которой не живет «Старая записная книжка». За каждым упоминанием Вяземского о Денисе Давыдове, Федоре Толстом или В. Л. Пушкине стоит длинный ряд литературных и бытовых ассоциаций; они, разумеется, не могут быть реставрированы во всей своей полноте, но приведенная в примечаниях эпиграмма или характеристика может дать о них представление современному читателю.

При составлении примечаний моей задачей являлось не столько исследование фактов, сколько подбор тех традиционных образов и литературно-бытовых характеристик, на которые ориентировались Вяземский и его современники.

Из технических соображений пришлось перенумеровать фрагменты и снабдить звездочкой те из них, к которым имеются примечания.

В заключение считаю своим долгом принести благодарность Павлу Сергеевичу Шереметеву, любезно предоставившему мне лично ему принадлежащий и никогда до сих пор не издававшийся портрет П. Вяземского; Юрию Николаевичу Тынянову, под чьим руководством я в свое время начала работать над Вяземским, и Григорию Александровичу Гуковскому за ряд указаний.

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1*

Державин, кажется, был чуток к одним современным и наличным вдохновениям. Поэтическая натура его не была восприимчива в отношении к минувшему. В стихах его Петру Великому нет ни одного стиха, ни одного выражения, достойного героя и поэта. Некоторые из воспетых им современников были счастливее; но зато Державин был несчастнее. Похвала недостойному лицу не возвышает хваленого, а унижает хвалителя. Впрочем, не следует заключить из этого, что Державин только льстецом и был, хотя и сказал, что *раб лишь только может льстить*. Он забыл или не чувствовал, что раб может молчать. «Если бы вы знали, как трудно написать хорошую трагедию», — говорил трагик, которого творения не имели успеха на сцене. «Верю, — отвечал ему собеседник его, — но знаю, что очень легко не писать трагедий». Так же легко не писать и похвальных од.

Многие из второстепенных произведений Державина если не по лирическому движению, живописи и яркости выражения, то, по крайней мере, по мыслям и чувствам, в них выраженным, должны оставаться в памяти читателей. Таковы, например, стихи: *К Храповицкому*, *К графу Валерьяну Зубову*, *К Скопихину*, *Ко второму соседу*, *Мужество* и некоторые другие стихотворения. Читая их, не скажешь, что Державин первый наш лирик, но признаешь в нем мыслящего поэта и поэта-философа.

Знавшим лично Оленина, который был необыкновенно малого роста и сухощав, нельзя без смеха прочесть стихи Державина к нему:

Нам тесен всех других покров.

Иногда стихи его могут соперничать со стихами Хвостова. Например, из стихотворения *Званка*:

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей.

По смыслу и течению слов выходит, что он на дрожках соседей катался на лодке по берегу пеш верхом.

2

О Хераскове можно сказать, что он сохранил до старости холодность, заметную в первых стихах его молодости.

3*

Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде *Ключ*.

Священный Гребеневский ключ,
Певца бессмертной Россияды
Поил водой ты стихотворства.

Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!

4

Херасков где-то говорит:

«Коль можно малу вещь великой уподобить».
И очень можно. В уподоблениях именно приличнее